

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1⁽¹⁶⁾
ВЕСНА – ЛЕТО
2012

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

К 125-летию со дня рождения
В.А. Иванова

От редколлегии. Владимир Алексеевич Иванов (1886–1970)	5
<i>Б.В. Норик.</i> «Воспоминания» В.А. Иванова в Архиве востоковедов ИВР РАН	6
<i>А.И. Колесников.</i> Переписка В.А. Иванова с А. Корбэном (1947–1966)	10
<i>А.А. Хисматулин.</i> В. Иванов об учении Ахл-и Хакк	16
<i>П.В. Башарин.</i> Предания о святом Халладже на Памире в контексте суфийской житийной литературы	20

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Е.И. Кычанов.</i> Документ из тангутского государства Си Ся на китайском языке	24
<i>Н.В. Козырева.</i> Два клинописных текста начала II тыс. до н.э. из Южной Месопотамии, касающиеся городской недвижимости (YOS VIII 153, YOS XII 307)	28
«Диван» курдского поэта XVIII века Ранджури (транскрипция текста, образцы перевода <i>З.А. Юсуповой</i>)	38

ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ЛИЦАХ

Медведева Л.Я. (<i>Т.Ю. Евдокимова</i>)	59
Николаева О.С. (<i>В.В. Щепкин</i>)	60
Берлев О.Д. (<i>И.В. Богданов</i>)	62

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>И.Т. Канева.</i> Вставные предложения (на материале текстов новошумерского периода)	64
<i>С.Р. Тохтасьев.</i> Из комментариев к Константину Багрянородному	75
<i>Е.П. Островская.</i> О предмете буддийской философии	87
<i>И.С. Гуревич.</i> Дiachронический аспект анализа языка текстов разных жанров с идентичной сюжетной линией (XIV–XVI вв.): полученные результаты	97

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- И.В. Богданов.* Ливанская древесина *hntj-š* в египетских источниках эпохи Древнего царства 112
- М.И. Воробьева-Десятовская.* Академик В.П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках) 132
- С.Л. Бурмистров.* Индийские историки философии в XX веке: выбор позиции 138
- Ю.А. Иоаннесян.* Понятие «Явителя Божьей воли» в бабизме и религии бахаи 151
- О.К. Мехтиева.* Из истории общины бахаи в России и СССР. Воспоминания очевидцев 174

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- Я.В. Васильков.* Новое о первом русском индологе: письма Герасима Лебедева И.Ф. Крузенштерну 188
- К.М. Богданов.* Материалы из коллекции Н.П. Лихачева в собрании ИВР РАН 207
- Т.А. Черная.* Карл Иванович Максимович — выдающийся российский «ботанический востоковед» XIX в. 212
- П.П. Муратов.* Цикл «Навстречу солнцу»: «Первые дни в Токио» и «Токийская жизнь» (вступительная статья и публикация текста *К.Г. Маранджян*) 242
- П.С. Тентюк.* Петербургская рукопись макама ал-'Аббаса и ее «аналог» в Австрийской национальной библиотеке 251
- С.М. Якерсон.* Ашкеназская рукопись как часть караимской истории. Об одной уникальной находке в Отделе рукописей и документов ИВР РАН 259

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Б.В. Норик.* К 125-летию со дня рождения В.А. Иванова. Вклад русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. 268
- Е.П. Островская.* Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга 271
- Т.А. Пан.* Дальневосточный семинар при ИВР РАН 274
- Т.В. Ермакова.* Дни П.С. Палласа в г. Палласовка 276

На четвертой стороне обложки:
Изображения растений из японских иллюстрированных справочников XIX в.
(к статье Т.А. Черной)

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Маждова
О.В. Волкова
И.Г. Ким
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

© Российская академия наук, 2012
© Институт восточных рукописей РАН,
2012

РЕЦЕНЗИИ

- В.Г. Лысенко.* Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [тексты] (*Е.П. Островская*) 278
- А.А. Непомнящий.* Подвижники крымоведения (*Л.В. Орел*) 281
- Grażyna Zajac. Smutna ojczyzna i ja smutny...* Kręgi literackie epoki Abdülhamita II w świetle tureckiej autobiografii (*Г. Мишкинене*) 284
- В.А. Лившиц.* Парфянская ономастика (*М.И. Воробьева-Десятовская*) 286
- И.В. Герасимов.* История публицистики Судана (*О.Б. Фролова*) 289

IN MEMORIAM

- Юрий Ашотович Петросян 292

ведения на престол и низведение с него, землетрясения и пожары. В автобиографиях автор является непосредственным очевидцем не только значимых исторических перемен, но и участником событий повседневной жизни. Все это позволяет говорить об автобиографии как о культурном достоянии народа, обладающего бесценным наследием — свидетельством своего прошлого.

Два указателя — восточных понятий и терминов (с. 487–492) и личных имен (с. 493–506) — прекрасно дополняют издание. В обширной библиографии (с. 507–516) представлены источники и литература предмета.

Примечания к каждому разделу являются прекрасным дополнением к основному изложению. Их изобилие указывает на то, что автор владеет огромным материалом, который мог бы стать основой отдельного издания. Книга рассчитана как на специалистов по турецкой литературе, так и на широкий круг читателей. Встречающиеся термины, написание которых не устоялось в польском языке, даны в двояком написании — оригинальном и упрощенном. Кроме того, представлен их перевод. Такая подача материала позволяет эффективно пользоваться литературой предмета на турецком языке. Книга является прекрасным учебным пособием для студентов-тюркологов.

Галина Мишкинене

Лившиц В.А. Парфянская ономастика. — СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. — 397 с.

Автор рецензируемой книги Владимир Аронович Лившиц всемирно известен как специалист по древней иранской литературе, языку и письменности. Закончив в 1948 г. иранское отделение Восточного факультета Ленинградского университета, Владимир Аронович сразу же отправился в Среднюю Азию, где в это время шли активные археологические раскопки — работала Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) под руководством М.Е. Массона. Первый документ на парфянском языке — небольшой черепок (острака) был найден в Нисе в 1934 г. еще до приезда Владимира Ароновича в Среднюю Азию. Но фотография, переданная ему А.А. Фрейманом, заинтересовала молодого ученого не

описанным и не изученным к тому времени типом документа и языком. Для того чтобы читатели могли оценить огромный труд, вложенный Владимиром Ароновичем в эту книгу, постараемся сделать некоторые пояснения. Владимира Ароновича интересовала не только ономастика, но и история Парфянского государства, его возникновение и гибель. После гибели Парфянского царства на его территории и на соседних землях образовалось большое количество малых государств, не утративших связь с Парфией благодаря языкам и письменностям, восходящим к арамейскому письму, манихейству и сходным хозяйственным навыкам.

Парфия, или Парфянское царство, занимало в период с 250 г. до н.э. и по 220-е гг. н.э. огромную территорию. Она простиралась к югу и юго-востоку от Каспийского моря на территории современного Туркменистана и подчиняла своему политическому влиянию обширные области от Месопотамии до границ Индии. Китайские историки называли это государство *Аньси*. Согласно общепринятым концепциям, существует 3 теории образования Парфянского царства. Наиболее популярную из них использует Владимир Аронович. Он исходит из версии, согласно которой Парфия привлекала благодаря своему могуществу и богатству народы, проживавшие к северу. Одним из этих народов были парны. Парны напали на Парфию с севера, разгромили местное войско, убили правителя Парфии Андрагора и захватили власть в свои руки. Правителем Парфии стал Аршак. Для читателя теперь понятно, почему Владимир Аронович все время называет Парфию аршакидской. Аршакиды правили Парфией с 250 г. до н.э. до 224 г. н.э. и стали постоянным соперником Рима на востоке.

Трудной проблемой для В.А. Лившица оказалось изучение парфянской письменности и языка. Парфянская письменность развивалась из арамейского письма, которое представляло собой консонантную фонетическую систему. В.А. Лившиц подробно описал письменные знаки, встретившиеся ему в парфянских документах. Дело в том, что арамейское письмо, так же как и греческое, было официальным административным письмом парфянской канцелярии. Впервые это стало ясным из парфянских документов, найденных и прочитанных в Туркестане и Турфане. К этому выводу пришел И.М. Дьяконов, кото-

рый принял участие в дешифровке документов. Арамейское письмо, в свою очередь, произошло от финикийского письма. Помимо арамейского письма из финикийского произошли многочисленные виды письменности, например такие, как еврейский, греческий, малоазийский, латинский алфавит, большинство индийских письменностей и многие другие виды, которые до нашего времени не дошли.

Наиболее ценной частью книги В.А. Лившица являются страницы 11–26. Здесь В.А. Лившиц дал глубокий анализ фонетики и лексики парфянских документов. Общий объем разобранного материала составлял 2756 документов-ostraка, найденных в 40–60-х гг. в Старой Нисе.

В.А. Лившиц выделил Старую Нису, древнюю столицу аршакидской Парфии, и Новую Нису, открытую в Северном Туркменистане в 30-е гг. XX в. В Новой Нисе было найдено всего около двух десятков ostraка.

Что представляли из себя ostraка? Лившиц дал их подробное описание. Это маленькие тонкие глиняные черепки, на которых нанесен текст. В этом регионе изготовление вина было главным занятием жителей. Текст, нанесенный на черепки, представлял собой формуляр, написанный по определенным правилам: сначала следует название виноградника, затем количество вина в хуме, его сорт (старого урожая, молодое, уксус), наконец, имя и должность того, кто сдал вино. Иногда в хумах оказывалось зерно или мука. Лившиц выяснил, что ostraка были черновыми записями. Данные с ostraка переписывались в особые ведомости, на пергаменте или другом материале. Ostraка после использования сведений выбрасывали. Иногда текст с них смывали и по первому тексту наносили второй. В более поздние времена ostraка использовали в качестве этикеток к хумам, но это случалось редко. Чаще надпись делали на самом хуме. Благодаря работам Владимира Ароновича получила подтверждение теория о существовании единообразного формуляра хозяйственных документов на всей территории бывшей Парфии, в Сасанидском Иране, в Центральной Азии и в областях Китая. Восточноиранское племя саков, проживавшее в Хотане, вместо ostraка использовало тонкие щепочки или палочки. Сведения на них заносились такого же типа: имя вносившего налог, месяц (саки вносили налоги ежемесячно),

название продукта и его вес. В нижней части документа записывалось не только имя налогоплательщика, но и имена свидетелей. Были обнаружены также и сводные ведомости, они обычно изготовлялись на китайской бумаге или бумаге местного производства. Часто для этого использовались оборотные стороны китайских свитков или уйгурских записей. Об использовании такой бумаги пишет и Лившиц.

Особый интерес представляют главы «Манихейство» (с. 27–33) и «Манихейская литература» (с. 34–46). Лившиц дает следующее определение манихейства: «Манихейство — синкретическая религия, в которой соединились элементы иудеохристианских, гностических, зороастрийского, митраистского и буддийского учений» (с. 27). Основатель учения, Мани (216–277), был хорошим проповедником, ходил из края в край Парфии, имел много учеников и последователей. К его учению прислушивались и цари, которые оказывали ему покровительство. В.А. Лившиц с большим интересом рассказывает биографию Мани, о его успехах и неудачах и, наконец, жестокой смерти в тюрьме. Зороастризм победил, хотя долго еще приверженцы Мани проживали и в Турфане, и в Вавилонии.

В 1900–1916 гг. в Центральной Азии работали многие европейские экспедиции, поэтому в рукописных собраниях Германии, Англии, Франции, Китая и Японии хранятся манихейские рукописи. Есть несколько экземпляров и в Институте восточных рукописей в Петербурге, привезенных А.И. Кохановским, В.И. Роборовским, Н.Н. Кротковым, П.К. Козловым. Этими рукописями занимался К.Г. Залеман, который опубликовал серию работ под названием “Manichaica”. Манихеи использовали пальмирское курсивное письмо арамейского происхождения. В.А. Лившиц дал подробную характеристику этой скорописи. В этом состоит важный момент его исследования арамейской письменности.

Глава «Манихейская литература» представляет собой одно из первых в русской науке описаний жанров и содержания сочинений, оставшихся только в рукописях. Впервые установил факт наличия манихейской литературы среди привезенных из Турфана и Дуньхуана рукописей Ф.В.К. Мюллер. Нередко листы из одних и тех же рукописей оказывались в разных хранилищах Европы, России, Китая, Японии. Поскольку средне-

персидский и парфянский языки считались официальными языками манихейской церкви, на них были написаны некоторые арамейские канонические сочинения Мани. Манихейская церковь признавала каноническими 5 или 7 книг, авторство которых приписывалось Мани. Первой из этих книг является сохранившееся на китайском и коптском языках «Живое евангелие», или «Живая проповедь». В.А. Лившиц исследовал языки сохранившейся первой канонической книги и обнаружил там иранскую эпическую терминологию, имена богов и демонов. Сохранился согдийский фрагмент известной «Книги гигантов». Это интерпретация манихейской легенды о падении ангелов с небес и рождении тиранического клана гигантов. Среди среднеперсидских и парфянских текстов, открытых в Турфане, много гимнов, сложенных в древней поэтической традиции, напоминавшей авестийские яшты.

Среди литературы найдены 3 сборника писем Мани. Особенно трогательно последнее письмо, написанное Мани в тюрьме, перед своей кончиной. Это своеобразное завещание учителя, обращенное к своему сыну и ученикам. Оно разошлось по всем пастырям, учителям и епископам, «братьям и сестрам».

Манихеи прославились и своей художественной литературой. Среди согдийской, среднеперсидской, парфянской литературы есть собрания гимнов и притч, превосходные сказки. В них видны влияния басен Эзопа, «Панчататры», «Калилы и Димны» в переводе с арабского языка. Характеристика этой литературы прославил не только Владимира Ароновича, но и Хеннинга, А. Рагозы и др.

Имя Владимира Ароновича получило мировую известность благодаря колоссальной работе, которую он назвал «Парфянские личные имена, парфянские передачи среднеперсидских, семитских и других иноязычных имен, греческие и латинские передачи парфянских имен» (с. 53–201). В этой главе В.А. Лившиц продемонстрировал знание огромного количества языков. Всего он перевел и прокомментировал 888 личных имен. Имена были разбиты на несколько групп, каждая из них отличалась количеством слов, слогов, фонетической и грамматической характеристикой. Такая работа была проделана впервые. Одна эта глава достойна стать самостоятельным сочинением, впервые увидевшим свет.

Ценной частью исследования В.А. Лившица являются новые, впервые введенные в науку документы. Во-первых, Лившиц дешифровал новые находки из Старой Нисы. Всего 12 фрагментов, но они отличаются от прежних находок календарными указаниями. Названия месяцев и дней, представленные в документах, составляют календарь, созданный по образцу египетского солнечного календаря: в году 365 дней и 12 месяцев. Этот календарь был введен в Иране во второй половине V в. до н.э., около 441 г. до н.э.

Украшением книги Владимира Ароновича можно считать раздел «Геммы и буллы с парфянскими надписями». Надписи дешифрованы впервые. Раздел сопровождается иллюстрациями, которые драгоценны комментариями. Лившиц снабдил их историей находок, показавшими, какими путями шли торговые контакты между Западом и Востоком.

Впервые Владимир Аронович включил в свою книгу новые находки, которые дешифрованы и прокомментированы. Среди острака и документов В.А. Лившиц описал «Три серебряные чаши из Исаковского могильника № 1». Могильник расположен около Омска и был раскрыт в 1989 г. По данным археологов погребение относится к III–II вв. до н.э. Две надписи указывают имя их хозяина, третья — только вес чаши. Надписи, хотя и кратко, содержат важную информацию: во-первых, интересно, как они попали в Омскую область. Указано имя вероятного владельца первой чаши. Это имя В.А. Лившиц прокомментировал и определил, что чаша была сделана в дар царю Амуржам, сыну Вардана, двумя сподвижниками — Барзаваном и сыном Тахумака. Дар — пиршественная чаша; датирована 3-м числом месяца фравартин (первый месяц зороастрийского календаря).

Две другие чаши менее интересны, поскольку они содержат только вес серебра.

Конечная часть книги содержит 6 документов, впервые дешифрованных В.А. Лившицем, переведенных на русский язык и прокомментированных. Комментарии, значительные по объему (с. 304–347), представляют наибольший интерес.

Заканчивается книга историческим заключением: «„Глава податей“ в Парфянском и Сасанидском Иране». В.А. Лившиц проанализировал термины, связанные с налогообложением в период с 250 г. до н.э. по 650 г. н.э. В этом разделе указано, кто конкретно

занимался сбором налогов и их учетом. Этот раздел, касающийся истории, ставит на свое место сведения, которые по сохранившимся остракам и документам разбросаны по разным территориям. Книга, названная автором «Парфянская ономастика», на самом деле представляет собой важное историческое и филологическое исследование языков огромной территории и проживающих на ней народов, описывает важный период в истории Ирана, Центральной Азии и Туркмении, сообщает ценную информацию о верованиях, их перемещении, религиозных войнах. До настоящего времени такого полного исследования аршакидской Парфии в иранистике не существовало.

М.И. Воробьева-Десятовская

Герасимов И.В. История публицистики Судана. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011 — 228 с.

Отношение к публицистике, под которой может пониматься вся общественная литература, как к источнику сведений по истории, социологии и другим гуманитарным наукам довольно долго было спорным. Собственно, оно остается неоднозначным и в настоящее время. Тем не менее все большее число отечественных и зарубежных ученых признают за публицистическими материалами право служить важным источником сведений по истории отдельных стран, и специалисты занимаются их изучением, исходя из признания самостоятельным объектом исследования.

Применительно к Ближнему Востоку, где формирование газетно-журнальной периодики происходило не только медленнее, чем в Европе, но и крайне неравномерно из-за большого числа территорий, входящих в понятие арабский мир, публицистика длительное время выступала одним из немногих источников информации по различным сферам жизни.

Именно этой проблеме посвящена книга И.В. Герасимова «История публицистики Судана». Монография состоит из введения, пяти глав, заключения, индекса имен, индекса названий периодических изданий, библиографии. В нем также содержатся иллюстративные материалы.

Ранние формы общественной литературы появились в Судане довольно давно, однако

первое дошедшее до настоящего времени суданское произведение, в котором затрагиваются социально-значимые проблемы, является агиографический словарь «Табакат» Ибн Дайфаллаха. Помимо этого источника широкой известностью пользовались письма-обращения махди к населению и своим эмирам в период восстания во второй половине XIX в.

В основном же публицистика периода, предшествовавшего появлению прессы, существовала в устной форме, выражаясь в проповедях в местных мечетях. В вводной части монографии автор уделяет этому периоду особое внимание, считая его определяющим для специфики формирования всей последующей литературы Судана, носившей ярко выраженный социальный характер.

Для некоторых стран, таких как, например, Мавритания, Судан и ряд других, газета лишь в XX в. стала служить источником сведений о событиях на регулярной основе. В ней, особенно на ранних этапах, помещались литературные произведения, поэтические материалы, а позднее комментарии на события, информация о деятельности политиков и колониальной администрации.

Несмотря на практическую необходимость изучения публицистики с учетом возрастающей роли СМИ в мире, и в частности в арабских странах, обращение к теме ее истории, в принципе, достаточно редкое явление. В этом смысле работа И.В. Герасимова является исключением и является важным вкладом в изучение этой проблемы.

Автор монографии демонстрирует глубокое владение историческим контекстом Судана, в котором зародилась национальная журналистика и публицистика. В работе нашла отражение борьба местных политических центров, представленных в основном главами суфийских общин. И.В. Герасимов справедливо отмечает, что египтяне и ливанцы, накопившие серьезный и успешный опыт в издательской и печатной деятельности, приглашались для консультаций в Судан. Они оказали влияние «на букву и дух» местных авторов и издателей на самом раннем этапе. В то же время автор монографии освещает действия англо-египетской колониальной администрации, с одной стороны, поощрявшей инициативу местных авторов и редакторов, готовых предоставлять материалы для публикации, что способствовало просвещению населения и вовлечению его в орбиту